

УДК 821.161.1+80+159.99
ББК 83.3(2=411.2)+ 80+83.3
DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169

Наталья Тарасова

**Текстологический анализ
и новые факты истории текста
(на материале рукописей Ф.М. Достоевского)***

Natalia Tarasova

**Textual Analysis and new Facts for a History of the Text
(on the Material of F.M. Dostoevsky's Manuscripts)**

Об авторе: Наталья Александровна Тарасова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

E-mail: nsova74@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются принципы текстологического исследования рукописей Ф.М. Достоевского на материале художественных замыслов писателя 1860-х – 1870-х годов («Идиот», «Вечный муж», «Подросток», «Бесы»). В работе обосновывается мысль о связи исследования языковых и графических характеристик рукописного первоисточника с установлением новых фактов истории текстов и творческой истории произведений писателя. Анализ рукописей позволяет исправить ошибки в публикациях рукописного текста, искажающие смысл авторских высказываний. В результате такого анализа уточняется не только текст, но и обстоятельства его создания, устанавливаются неизвестные биографические параллели, прототипы персонажей, условия формирования художественных идей автора. Кроме того, текстологическое исследование позволяет собрать информацию об особенностях творческого процесса при создании разных произведений, определить некоторые специфические черты в работе автора над тем или иным художественным замыслом.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, текстология, «Идиот», «Вечный муж», «Подросток», «Бесы», автобиографизм.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90002 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90002.

Для цитирования: Тарасова Н.А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф.М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2(10). С. 153-169.
DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169

About the author: Natalia A. Tarasova, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) RAS (Saint Petersburg).

E-mail: nsova74@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the principles of textual research of F.M. Dostoevsky's manuscripts on the material of the writer's artistic ideas of the 1860s – 1870s (*The Idiot*, "The Eternal Husband", *The Adolescent*, *The Demons*). The paper substantiates the idea of the connection between the study of the language and graphic characteristics of the source and the finding of new facts about the history of texts and the creative history of the writer's works. An analysis of the manuscripts allows correcting errors in publications of handwritten text. This analysis clarifies the content of the text, such as the circumstances of its creation, unknown biographical parallels, prototypes of characters, and the history of the author's artistic ideas. In addition, textual research allows us to collect information about the creative process, to determine some specific features in the author's work.

Key words: Fyodor Dostoevsky, textual criticism, *The Idiot*, "The Eternal Husband", *The Adolescent*, *The Demons*, autobiography.

For citation: Tarasova N.A. Textual analysis and new facts for a history of the text (on the material of F.M. Dostoevsky's manuscripts). *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2020, No 2(10), pp. 153-169.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169

Для текстологического анализа имеет значение комплексный подход, предполагающий одновременное изучение как собственно языковых характеристик источника, так и графических особенностей записей. Исследование особенностей начертания слова в совокупности с языковыми признаками позволяет установить смысловые ошибки чтения и воспроизведения рукописного текста в печати.

Рассмотрим один характерный пример.

В рабочей тетради Достоевского, содержащей черновые записи к роману «Подросток», есть фрагмент, который воспроизводится в печати неточно. Ср.:

ЛН: «Картина земли под снегом через 100 000 лет. Глупость создания. "Что глупее всего, так это то, что вам докажут, что это вовсе не глупость, а так факт, тогда как я знаю же почему-то, что это глупо

(чтоб пустые холодные шары летали). Игра в **Монаке** несравненно выше всего, что существует» [Литературное наследство, с. 69]¹.

ПСС: «Картина земли под снегом через 100 000 лет. Глупость создания. “Что глупее всего, так это то, что вам докажут, что это вовсе не глупость, а так, факт, тогда как я знаю же почему-то, что это глупо (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в **Монаке** несравненно выше всего, что существует» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 17]².

Рукопись:

«Картина земли подь снѣгомъ черезъ 100000 лѣтъ. Глупость создания. “Что глупѣе всего, такъ это – то, что вамъ докажутъ что это вовсе не глупость, а такъ фактъ, тогда какъ я знаю же {почему-то}³ что это глупо<”>. (Чтобъ пустые холодные шары летали. Игра въ **шашки** несравненно выше {всего что существуетъ})»⁴.

Из примера следует, что в печати вместо рукописного варианта «шашки» появляется слово «Монаке», – и запись утрачивает исходный смысл. Неверное чтение получает в ПСС неверный комментарий – поясняется то, чего нет в рукописи: «Достоевский, сам увлекавшийся азартной игрой, имеет здесь в виду знаменитые игорные дома в Монако» [Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 399]. В романе, в выступлении Подростка у Дергачева, есть тематическая параллель: «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 49].

Ошибку чтения помогает установить именно анализ начертаний и языка текста: в записи имеются характерные подстрочные штрихи, которые возможны только при написании буквы «ш». Стало быть, из графических элементов этой записи невозможно сложить вариант «Монаке», предложенный в печати. Обращает на себя внимание и грамматическая неправильность этого варианта, если учесть, что

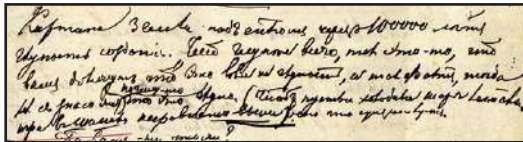
¹ Здесь и далее ссылки на это издание приводятся с сокращением ЛН.

² Здесь и далее ссылки на это издание приводятся с сокращением ПСС.

³ При цитировании рукописных источников в фигурных скобках приводится вписанный Достоевским текст, в квадратных – вычеркнутый.

⁴ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 23.

публикаторы соотносят запись с названием «Монако», не имеющим форм в косвенных падежах. И даже если бы мы допустили существование такого варианта – в слове должна была бы появиться конечная «ять» как указание на предложный падеж флексии. Но этой буквы также нет. Графические и орфографические характеристики записи в данном случае становятся аргументом в пользу иного чтения – «игра въ шашки».

Илл. 1

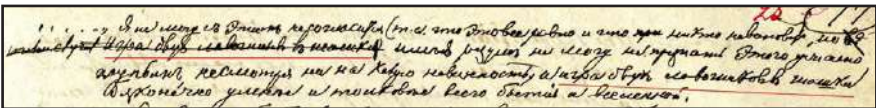
Рассмотрим запись ближе:

Илл. 2

В записной тетради есть примеры, подтверждающие правильность чтения «шашки»:

«Я не могу съ этимъ не согласиться (т. е. что это все равно и что [при] никто невиновать), но [въ такомъ случаѣ игра двухъ лавочниковъ въ **шашки**] имѣя разумъ не могу не признать этого ужасно глупымъ, несмотря ни на какую невинность, и игра двухъ лавочниковъ въ **шашки** безконечно умнѣе и толковѣе всего бытія и вселенной»⁵.

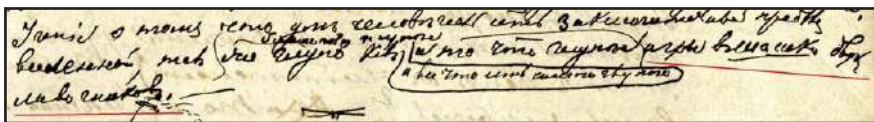

Илл. 3

«Ученіе о томъ что умъ человѣческой есть заключительный предѣлъ вселенной, такъ же глупо какъ {и все что есть самаго глупаго} и то что глупѣе {безконечно глупѣе} игры въ **шашки** двухъ лавочниковъ»⁶.

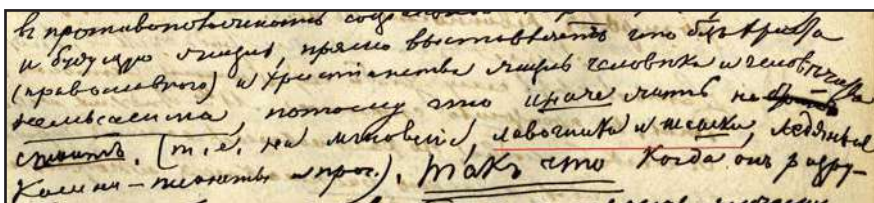
⁵ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 25.

⁶ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 25.

Илл. 4

«...безъ Христа (православнаго) и христіанства жизнь человѣка и человѣчества немыслима, потому что иначе жить не [стоитъ] стоитъ. (т. е. на мгновеніе, лавочки и шашки, ледяные камни-планеты и проч.)»⁷.

Илл. 5

В рукописях раскрывается христианский подтекст темы, в печатном тексте представленный библейской аллюзией «любить ближнего»⁸: «Да зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда Земля обратится в свою очередь в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 49]. Кроме того, в рукописи мотив «игры в шашки» и рассуждения о бессмысленности бытия связаны не только с образом Подростка, но и (в последней цитированной записи) с образом Версилова.

⁷ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 43.

⁸ Слова «любить ближнего» восходят к ветхозаветному изречению: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь [Бог ваш]» (Лев. 19:18), а также многократно повторяются в книгах Нового Завета: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Мф. 5:43), «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумием твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40, см. также: Мф. 19:19, Мк. 12:31-34, Лк. 10:27-37, Иак. 2:8, Рим. 13:9, Гал. 5:14).

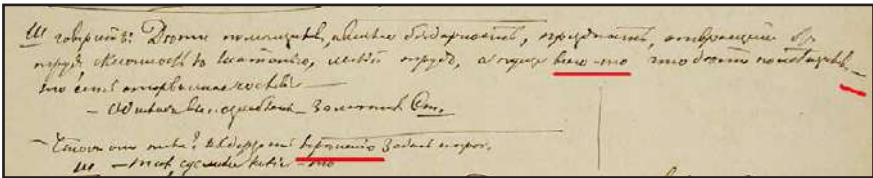
Рассмотрим другие примеры – на новом материале: это тетрадь 1870 года с записями к роману «Бесы» и к неосуществленным замыслам Достоевского (РГБ. Ф. 93. I. 1. 4). Текст публиковался в издании записных тетрадей, подготовленном Е.Н. Коншиной (1935), и в 11-м томе ПСС (1974).

Неточно расшифрованы публикаторами следующие черновые наброски:

«**Ш** говорить: Дѣти помѣщиковъ, и всякая бездарность, праздность, отвращеніе отъ труда, склонность къ шатанью, легкій трудъ, а **пуще всего-то** дѣти помѣщиковъ – то есть оторванное сословіе –

– Однако же вы... озлоблены – замѣтилъ **Ст**.

– Что ж <е> они такое? Ихъ дерзость **къ рѣшенію** задачъ и проч.»⁹.

Илл. 6

Коншина: «...**пуще всего – то что** дети помещиков...

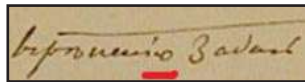
...дерзость **в решении** задач...» [Записные тетради..., с. 119-120].

ПСС: «...**пуще всего то, что** дети помещиков...

...дерзость **в решении** задач...» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 75-76].

В публикациях неверно интерпретирована постановка дефиса в местоимении «всё» с частицей «то»: у Коншиной дефис превращается в тире, хотя рядом в записи есть тире, разница в длине знаков и в расстоянии от слов очевидная. В ПСС дефис вообще исчезает. И «то» в обоих случаях из частицы превращается в местоимение.

Ошибочно также чтение двумя строками ниже: на вариант «къ рѣшенію» ясно указывает окончание слова, в котором присутствует буква «ю» в соответствующем начертании со скруглением штриха. Буква «и» не могла быть написана таким образом.

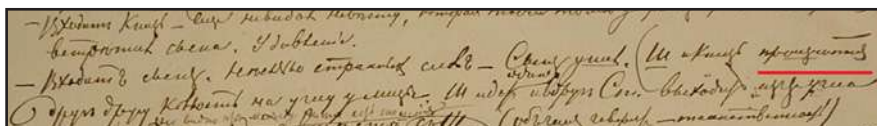
Илл. 6а

⁹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 32.

Обратим внимание и на еще один момент, отмеченный В.Д. Раком в 2019 г. в беседе с автором данной статьи по поводу рабочих тетрадей к «Бесам»: в этой рукописи один из персонажей везде обозначен начальной буквой фамилии – «Ш». В ряде случаев она расшифровывается Достоевским как Шапошников. Но ни разу – как Шатов. В первой публикации эта черта рукописи сохранена. В ПСС везде на место сокращения подставляется фамилия Шатов, что заставляет задуматься о правомерности такого решения: Достоевский на данном этапе мог не наделять своего героя этой фамилией, она, возможно, более позднего происхождения.

В примерах ниже публикаторами допущены лексические ошибки:

«– Входить сынъ. Нѣскольکو странныхъ словъ – Сынъ ушелъ. (Ш и Князь **прощаются**<,> другъ другу колкость на углу улицы»¹⁰.

Илл. 7

Коншина: «...произносят...» [Записные тетради..., с. 128].

ПСС: «...произносят...» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 83].

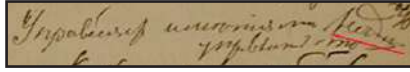
Здесь тот же случай, что и с «Монако», – буквенное сочетание «из» не сопровождается подстрочным штрихом, он ставится под шипящими «ш» и «щ», в данном случае это буква «щ». К тому же в записи отчетливо проглядывает концевое «ся», а в слове «произносят» был бы «ъ» на конце, по начертанию несколько иной и в составе одной буквы, а не двух. Ошибке чтения могло способствовать также отсутствие знаков препинания на переходе с одной строки на другую (нужна запятая после глагола), но это – отсутствие запятых на переходе со строки – довольно типичная ситуация в черновом тексте Достоевского.

Второй пример:

«– Княгиня, рассчитывая на свадьбу съ Красавицей, надѣялась главное на расчетливость и практичность сына, на непоэтичность его. {А онъ именно поэтъ: Презираетъ атеистовъ до озлобленія, вѣрить озлобленно.

¹⁰ РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 38.

Въ мужики и въ раскольники хочеть идти.} {Управляетъ имѣнїями. **Нечѣмъ** управлять-то –}»¹¹.

Илл. 8

Коншина: «**Негде...**» [Записные тетради..., с. 144].

ПСС: «**Негде...**» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 100].

В данном случае на появлении ошибочных чтений отражается и отказ от так называемой «дореформенной орфографии», которая не всегда распознается в авторском тексте публикаторами последующего времени. В варианте публикаций «Негде» на конце слова в тексте Достоевского был бы «ять». В рукописи он есть, но в другой позиции в слове, потому что и слово другое – «Нечѣмъ».

Нередки неточности в воспроизведении прописных букв:

«– Ш долженъ быть Трагическимъ лицомъ –»¹².

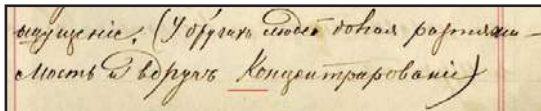
Илл. 9

Коншина: «**...трагическим...**» [Записные тетради..., с. 159].

ПСС: «**...трагическим...**» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 116].

Публикаторы не отражают авторское написание «Трагическимъ» с заглавной буквы. Между тем использование заглавных букв в словах нарицательных с целью смысловой акцентуации – довольно распространенный прием Достоевского, который встречается в записях к разным художественным замыслам. Много таких случаев в рукописях романа «Идиот»:

«(У другихъ людей долгая растяжимость и вдругъ **Концентрирование**)»¹³.

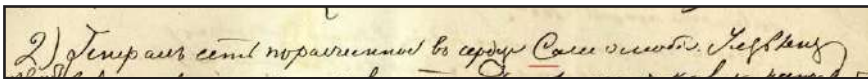
Илл. 10

¹¹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 54.

¹² РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 68.

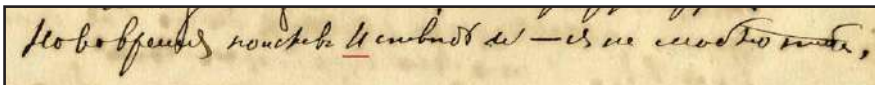
¹³ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 5. С. 55.

«2) Генераль есть пораженное въ сердце Самолюбіе»¹⁴.

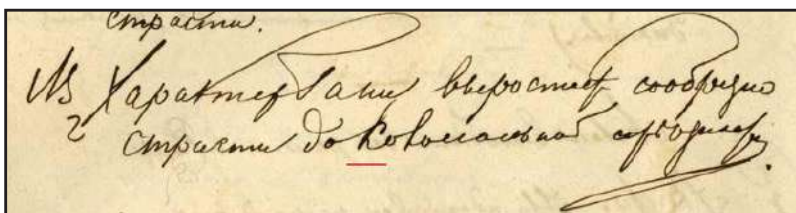
Илл. 11

«Но во время поисковъ Исповѣдь и – Я не люблю тебя»¹⁵.

Илл. 12

«NB₂. Характеръ Гани выростаётъ сообразно страсти до Колоссальной серьезности»¹⁶.

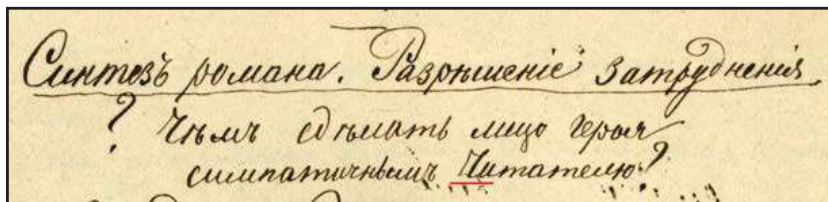

Илл. 13

«Синтезъ романа. Разрѣшеніе затрудненія

? Чѣмъ сдѣлать лицо героя

симпатичнымъ Читателю?»¹⁷.

Илл. 14

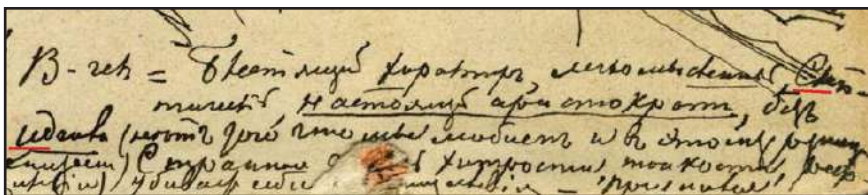
¹⁴ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 9.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 139.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 25, с росчерком.

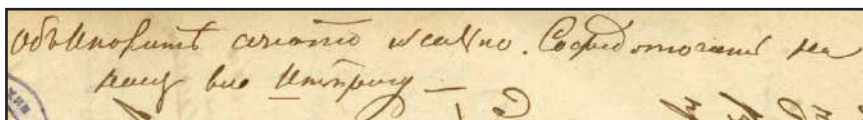
¹⁷ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 48.

«В<ельмон>чекъ = Блестящій характеръ, легкомысленный, Скептический, настоящій аристократъ, безъ Идеала (нѣтъ того что мы любимъ и въ этомъ разница съ Княземъ)»¹⁸.

Илл. 15

«Объ Иполитѣ сжато и сильно. Сосредоточить на немъ всю Интригу»¹⁹.

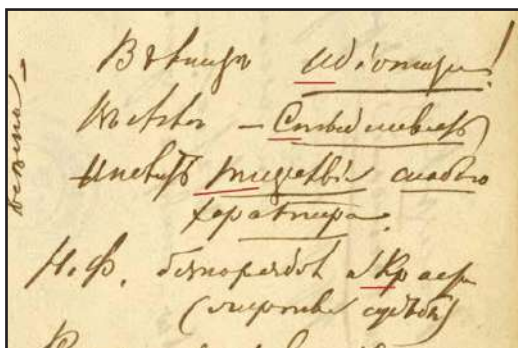
Илл. 16

«Въ Князѣ Идиотизмъ!

Въ Аглаѣ – Стыдливость.

Иполитъ Тщеславие слабого характера.

Н.Ф. безпорядокъ и Красота (жертва судьбы)»²⁰.

Илл. 17

Как видим, в записях к «Идиоту» заглавная буква используется для персонификации тех или иных качеств действующих лиц ро-

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 136.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 71.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 72.

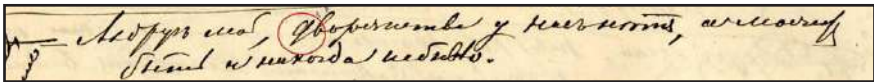
мана, а также для обозначения сцен (часто и само слово «Сцена» автор употребляет с заглавной буквы, так обозначая конкретные эпизоды, о которых намерен писать). Учитывая, как непросто складывался замысел романа о «положительно прекрасном человеке», показательно, что именно в этих набросках появляется такое количество заглавных букв в именах нарицательных, когда Достоевский пытается определить ход повествования, фабулу, содержание и психологические характеристики сцен и персонажей. Как в записях к предыдущему роману «Преступление и наказание», так и в последующих – к «Бесам» – заглавная буква в именах нарицательных используется реже, что является свидетельством принципиально иного характера творческого процесса: суть художественных образов и их роли вырисовываются в сознании автора, по-видимому, более отчетливо и хронологически быстро. В таком случае нет необходимости в постоянной смысловой акцентуации деталей повествования при помощи заглавной буквы.

Заглавная буква может, кроме того, акцентировать идеи, превращая то или иное имя нарицательное в идеологему. Таков пример из рукописей романа «Подросток». Публикации не сохраняют эту особенность использования заглавной буквы.

Рукопись:

«– Ахъ другъ мой, **Дворянства** у насъ нѣтъ, а можетъ быть и никогда не бывало»²¹.

ЛН, ПСС: «Ах, друг мой, **дворянства** у нас нет, а может быть, и никогда не бывало» [Литературное наследство, с. 303; Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 282].

Илл. 18

Черновая запись отражена в окончательном тексте в следующих строках из диалога Версилова с князем Сергеем Сокольским:

«– Я хотел только сказать, что ваша идея о дворянстве есть в то же время и отрицание дворянства, – сказал князь.

– Ну если уж очень того хотите, то дворянство у нас, может быть, никогда и не существовало» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 178].

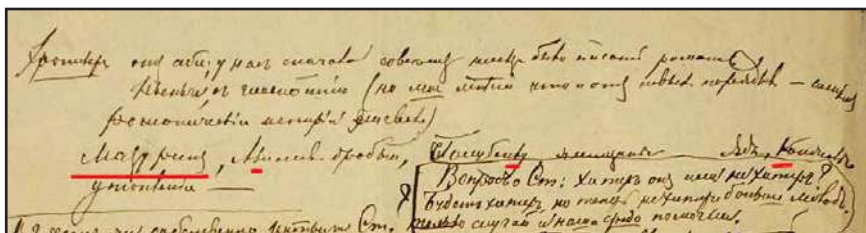
²¹ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 40 об.

В том же диалоге Версиров поясняет свое представление о дворянстве, и становится понятным, почему в черновой заметке соответствующее слово записано с заглавной буквы: «Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи, и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. <...> Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 177–178]. Понятие «Дворянство» в указанном графическом оформлении принимает высокий смысл – в нем выражена авторская мечта о «лучших людях», переданная не только через Версирова в романе «Подросток», но прозвучавшая затем и в форме открытого публицистического обращения к читателю в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг.

Неточность лексических прочтений может приводить к фактическим ошибкам и существенно отражаться на понимании текста. Таков следующий пример из указанной записной тетради с набросками к роману «Бесы»:

«Хроникеръ отъ себя: у насъ сначала совсѣмъ нельзя было писать романа. Нынѣче, съ гласностію (но мое мнѣніе что и отъ новыхъ порядковъ – самыя романическія исторіи [е]{э}шевелѣ²²).

Мазуринъ, Акимова <ѣ> дробью, [Чи]{Го}лубенку, женщины. Яды, кинжалы утопленія. –»²³.

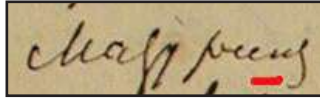
Илл. 19

²² échevelée (от фр. échevelé – неистовый) – литература французского «неистового» романтизма 1830-х годов.

²³ РГБ. Ф. 93. I. 1. 4. С. 51.

Коншина: «Мазурик [ѣ]...» [Записные тетради..., с. 140].

ПСС: «Мазурик...» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 96].

Илл. 19а

Ошибка, допущенная публикаторами, меняет всё содержание контекста. В рукописи фамилия, а не имя нарицательное, причем в этой фамилии отчетливо прописана буква «н» и нет графических признаков буквы «к». Для сравнения можно взглянуть на другие слова с «к»: «Акимова», «Голубенку», «кинжаль» – в них представлены разные варианты начертания буквы «к». Выше в слове «романтическая» – пример начертания буквы «н».

Комментарий ПСС к этому месту (ошибочное чтение в нем повторено) малоинформативен: «Очевидно, речь идет о “романтических историях” – ср. предыдущую запись» [Достоевский, 1972–1990, т. 12, с. 339].

Интересен тот факт, что запись, включающая фамилии Мазурина, Голубенко и Акимовой, находится среди заметок к «Бесам» и рядом с «литературными рассуждениями» Хроникера, одновременно будучи связана как с биографией самого Достоевского, так и с другими его литературными замыслами.

Две из трех фамилий известны по роману «Идиот» и рассказу «Вечный муж» и связаны с темой убийств, на что намекает и продолжение анализируемой записи «Яды, кинжалы, утопления». Как установила В.С. Дороватовская-Любимова, Мазурин является прототипом Рогожина, на создание образа которого повлияла газетная хроника – сообщения о судебном деле московского купца В.Ф. Мазурина, убившего ювелира И.И. Калмыкова. Дело Мазурина освещалось в газетах «Голос» и «Московские ведомости» в 1867 г., когда Достоевский обдумывал замысел своего романа. Некоторые детали этого дела отразились в «Идиоте». После убийства Мазурин накрыл труп клеенкой, а также использовал с целью уничтожения запаха ждановскую жидкость (так названную по имени ее изобретателя Н.И. Жданова). Полиция нашла на месте убийства нож со следами крови. Мазурин был приговорен к 15 годам каторги, как и Рогожин (см. подробнее: [Дороватовская-Любимова, с. 211-214]; [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 390]).

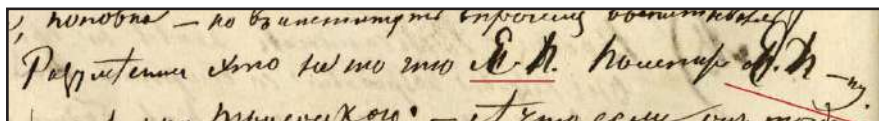
Голубенко – фамилия, которая встречается в тексте рассказа «Вечный муж», где Трусоцкий рассказывает Вельчанинову «анекдотик преуморительный» о том, как Голубенко «отбил даму сердца» у некоего Ливцова, и «этот Ливцов – даже искренно ведь в дружбу с Голубенкой вошел, совсем помирился, да мало того-с – в шафера к нему сам напросился, венец держал, а как приехали из-под венца, он подошел проздравлять и целовать Голубенку, да при всем-то благородном обществе и при губернаторе, сам во фраке и завитой-с, – как пырнет его в живот ножом – так Голубенко и покатился!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 55-56]. Комментария эта фамилия и сцена в ПСС не получили.

Этот эпизод, по-видимому, отсылает к фактам биографии самого Достоевского. Принято считать, что в рассказе «Вечный муж» отразились сибирские воспоминания писателя, в частности – история любовных отношений А.Е. Врангеля и Е.И. Гернгросс (см.: Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 472-474)]. Вместе с тем эпизод с Голубенко, описанный в рассказе «Вечный муж», содержит отсылки к истории женитьбы Достоевского на М.Д. Исаевой, которая была увлечена Н.Б. Вергуновым в период знакомства с писателем. Как известно, Вергунов поставил свою подпись на «брачном обыске» от 6 февраля 1857 г., когда состоялось венчание Достоевского с первой женой, в качестве поручителя (шафера) по жениху. К.В. Мочульский полагал, что в «Вечном муже» отразилась именно «история несчастного брака писателя» и «трагедия ревности» [Мочульский, с. 298]. Подтверждением тому служат черновые заметки к «Вечному мужу», на которые исследователи мало обращают внимание. В этих материалах варьируется имя героини – первой жены Трусоцкого, которая в окончательном тексте названа Натальей Васильевной. В черновиках варианты – Анна Ивановна, Анна Васильевна, Катерина Васильевна, Наталья Васильевна, Е. П–на и М. Д–на. В последнем случае писатель прямо указывает инициалы своей первой жены М.Д. Исаевой, тут же скрывая их, однако, за другим вариантом имени:

«2-я жена хороша, поповна – но въ институтѣ впрочемъ воспитывалась.

Тр<усоцкій> шепчетъ: «Поповна! Разумѣется это не то что [М. Д.] {Е. П.} Помните [М. Д.] {Е. П.}–ну»²⁴.

²⁴ В рукописи закрывающая кавычка поставлена после «Поповна!» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 6. С. 62)

Илл. 20

Набросок относится к финальной части рассказа, где Вельчанинов видит Трусоцкого со второй женой:

«– Как бывшая фамилия вашей супруги? – осведомился Вельчанинов, как бы не замечая совсем тревоги Павла Павловича.

– У нашего благочинного взял-с, – ответил тот, в смятении поглядывая на вагоны и прислушиваясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 111].

Естественно, в окончательный текст сравнение второй жены героя с первой, содержащее прямую отсылку к Марии Дмитриевне, не вошло, хотя сохранилась другая деталь – Наталья Васильевна Трусоцкая, как и Исаева, умирает от чахотки.

Другой вариант имени, появляющийся в рукописи, – «Е.П.» («Е.П.–на») – также автобиографичен: по-видимому, Достоевский в период работы над «Вечным мужем» вспоминал Елену Павловну Иванову, невестку своей сестры Веры Михайловны. Как следует из воспоминаний А.Г. Достоевской, летом 1866 г. писатель при встрече с Еленой Павловной спрашивал у последней, пошла бы она за него замуж, если бы была свободна. Позднее Е.П. Иванова упоминается в рукописях «Подростка»: «Он советуется с Княгиней (с которой у него было вроде как у меня с Е. П. еще при жизни мужа)» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 243, см. также: с. 275, 291, 292; т. 17, с. 417].

Не вполне ясной остается часть цитированной выше записи «Акимова <з> дробью». Она также может быть биографическим отголоском – достаточно вспомнить окружение Достоевских в Семипалатинске, о котором писал Л. П. Гроссман: «В последний период пребывания в Семипалатинске (речь идет о 1859 году. – Н.Т.) Д<остоевск>ий был знаком с следующими лицами: Венедикт Яковлевич Цуревский, полковой командир Гульткевич, поручик Снаксарев, приказчик купца Полякова Петр Андреевич Давыдов, помощники почтмейстера Михаил Александрович Ситников, почтальон Николаев (сопровождавший Д<остоевско>го в Тверь), г-жа Шмейстер, майорша Акимова, ассессор Попов» (курсив мой. –

Н. Т.) [Гроссман, с. 90]. Об Акимовой известно из письма бывшего ротного командира Достоевского А.И. Гейбовича от 25 марта 1860 г., в котором тот рассказывает новости об общих семипалатинских знакомых и где, в частности, есть следующее упоминание: «Полковой Командиръ Г. Гульткевичъ женился на дочери вдовы Маіорши Акимовой, къ которой онъ еще при Васъ курировалъ. –»²⁵ (см. также: [Летопись..., т. 1, с. 287-288]).

Достоевский, по-видимому, в записи, цитированной выше, вспоминает именно «майоршу Акимову», но на данный момент не известно, с какими событиями связано это воспоминание. Так или иначе, реальный комментарий к этой заметке нуждается, во-первых, в корректировке в связи с уточненным прочтением рукописного текста, во-вторых, в связи с необходимостью дальнейшего поиска и изучения источников записи.

Таким образом, графические и языковые характеристики текста как две составляющие его семантики являются также своеобразным инструментарием чтения и понимания материала. Среди основных условий результативного чтения рукописного текста Достоевского назовем подробное изучение двусмысленных фрагментов в печати, которые не согласуются с общим контекстом высказывания или содержат смысловые противоречия; исследование грамматической и пунктуационной несообразности, указывающей на ошибку чтения рукописи; сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка, включающее обязательное знание вариантности начертания одних и тех же букв; точное определение границы того или иного начертания, то есть разграничение линий начертания конкретной буквы от линий, не имеющих к ней отношения; внимание к постоянным (неизменным) признакам индивидуального почерка, позволяющим установить чтение точно; сопоставление всех записей, в которых разрабатывается одна и та же тема, и анализ трудных чтений с учетом всех стадий творческого процесса, включая и печатный текст. Текстологический анализ рукописей позволяет не только уточнить исследовательское прочтение материала, но и установить новые факты творческой истории произведений, неизвестные источники авторских размышлений, автобиографические мотивы как в романной, так и в «малой» прозе Достоевского.

²⁵ РГБ. Ф. 93. П. 2. 72. Л. 5 об.

Список литературы

1. Гроссман – *Гроссман Л.П.* Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.; Л.: Academia, 1935. 382 с.
2. Дороватовская-Любимова – *Дороватовская-Любимова В.С.* «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени [1928] / Публ. М. Райчиной // Нева. 2011. № 11. С. 209-226.
3. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Записные тетради... – Записные тетради Ф.М. Достоевского / Подгот. к печати Е. Н. Коншиной; коммент. Н.И. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. 473 с.
5. Летопись... – Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб.: Гум. агентство «Академический проект», 1999.
6. Литературное наследство – Литературное наследство. Т. 77. Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: Творческие рукописи / Публ. и комм. А.С. Долинина. М.: Наука, 1965. 519 с.
7. Мочульский – *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева; примеч. К.А. Александровой. М.: Республика, 1995. С. 217-548.

References

1. Grossman L.P. *Zhizn' i trudy F.M. Dostoevskogo* [Life and works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 pp. (In Russ.)
2. Dorovatovskaya-Lyubimova V.S. “Idiot” Dostoevskogo i ugovolnaya hronika ego vremeni [Dostoevsky’s *The Idiot* and the criminal chronicle of his time]. Publ. M. Rajcinoj. *Neva* [Neva], 2011, No.11, pp. 209-226. (In Russ.)
3. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. *Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo* [Notebooks of F.M. Dostoevsky], ed. by E.N. Konshina. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 473 pp. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: v 3 t. 1821–1881* [The Chronicle of F.M. Dostoevsky’s Life and Work: in 3 vols. 1821–1881]. St. Petersburg, Humanitarian Agency “Academic project” Publ., 1999. (In Russ.)
6. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy]. vol. 77. F.M. Dostoevskij v rabote nad romanom «Podrostok»: Tvorcheskie rukopisi [F.M. Dostoevsky working on the novel *The Adolescent*. Manuscripts] Published. and commented by A.S. Dolinina, Moscow, Nauka Publ., 1965, 519 pp. (In Russ.)
7. Mochul'skij K.V. Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. Life and works.]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii*. Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 217-548. (In Russ.)